Владимир ПОДЮКОВ (Б-Сосновский район, д.Селетки Пермский край) **ДЕФОРМАЦИЯ СОЗНАНИЯ**

Профессор Коновалов возвращался домой. Раскаленный от злости, он совершенно не замечал улицы.

«Рано, эх рано закончилась конференция! — досадовал он. — И снова этот выскочка Подковин влез со своей дурацкой теорией! Никчемная теория! Антинаучная! Деформация, видите ли, сознания!.. Делом бы занимался, так нет: наблюдается, видите ли, теснейшая взаимосвязь между состоянием человеческого сознания и фундаментальной основой человеческого существования — безопасности. Это, якобы, результат анализа его тридцатилетних исследований. Да у него самого происходит деформация сознания! Надо же додуматься до такого!.. И как говорил?! Лепетал:

— … Безопасность есть фундаментальная основа человеческого существования. Данный вывод исходит из внимательного анализа исторического опыта человечества. Без надёжной безопасности не может функционировать никакой организм. Тем паче такой уязвимый, как человек и его глобальный аналог — человечество. Без надёжной безопасности не может быть и речи об истинной свободе! Сама безопасность — основа не только физического, но душевно-психического и духовного здоровья человека.

Как будто без него об этом не знают?! И как говорил?! Шепелявил:

— … Внимательный, многолетний анализ исторической действительности приводит к выводу: человеческая безопасность напрямую зависит от состояния человеческого сознания. Безопасность понижается при загрязнении сознания различными пороками. Это загрязнение можно назвать деформацией сознания. Увлеченный пороками человек начинает воспринимать мир с позиции своих эгоистических желаний и требований. Аналогично сему деформация сознания наблюдается у той нации или социального класса, которые пытаются выдать себя за «избранное» сословие. При этом начинают строить свое счастье на несчастии других наций или социальных классов. В итоге деформация сознания на поверку исторической действительности оборачивается очередным заблуждением и ложью, бедой и горем. Наряду с этим, безопасность человеческого бытия укрепляется при очищении сознания. Недаром при начале любой нации была идея высоконравственного сознания, а светочами любой народности во все века являлись святые люди. Многотысячелетний опыт человечества накопил многообразные системы очищения-совершенствования, являющиеся фундаментальной основой культуры любого народа, любой нации. К большому сожалению, этот опыт часто игнорируется или однобоко используется современной наукой.

Нашёл чем удивить! И ни слова о положительном влиянии прогресса! Ни полслова о научных достижениях! Неуч! Каменный век давно кончился. Мы в эре прогресса! А он?! Паразит! Научно-технический прогресс у него является ненадежным фундаментом безопасности! И материалистическая наука также способствует деформации сознания! А как говорил?! Шипел:

— … Материалистическая наука — всего лишь студентка в университете бытия. И эта студентка пытается взять на себя роль путеводителя человечества. Но надёжен ли малоопытный поводырь? Если слепой ведёт слепого, не оба ли упадут в яму? При этом студентка — современная наука — пытается игнорировать, а при случае и всячески унизить мудреца-академика — Древнюю науку, или религию. А ведь Древняя наука — это второе глобальное знание, которым обладает человечество. Причем, многообразный опыт религии не менее, если не более, владеет системами знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления. Древняя наука не хуже современной науки поучает, даёт опыт существования, учит выживанию. Выживанию не только в пределах земного Дома, но и в пределах более глобальных систем — трехмерного Космоса и многомерного, многопланового Миро-Здания. Следует подчеркнуть, что многогранная традиция Древней науки проникнута заботой о человеческой безопасности. Тогда как современная наука подчас оставляет человека один на один с навалившимися бедами. Всё это справедливо относится и к человечеству. Именно опыт последних десятилетий — горький, трагический, катастрофический опыт — вынуждает искать защиты не у того, кто ещё постигает тайны бытия, а у того, кто уже владеет надежным, проверенным временем, знанием.

Неуч! Возвысил религию до науки! Ещё бы сказал, что научно-технический прогресс может привести к каменному веку! Паразит! Так он же так и сказал! И как сказал?! Пищал:

— … Внимательный анализ исторической действительности последних веков позволяет с уверенностью говорить о настойчивой и неуклонной деформации сознания, наблюдаемой у человечества. Облекая сознание скорлупой материализма, эта деформация отвергает помощь более глобальных сил Космоса и Вселенной. Причем сил светлых, чистых, жизненных — темные силы зла привязываются сами, хотим мы этого или не хотим. Худшее следствие такой деформации сознания — понижение человеческой безопасности до небывало критической черты! Если так пойдет дальше, то вполне вероятно, что человеческое сознание деградирует до сознания пещерных людей, а среда обитания будущих поколений будет самая неблагоприятная. Правды ради, следует отметить, что некоторые уровни знаний Древней науки благоприятствуют деформации сознания. Речь идёт о тех традициях, мировоззрение которых ограничивается рамками так называемого ПОДнебесья или трёхмерного Космоса. Это так называемые языческие верования. Это притом, что мировоззрение язычества на поверку выходит выше материалистических воззрений современной науки. В то же время, Древняя наука предоставляет человеку более высокие уровни знаний, способствующих очищению, просветлению человеческого сознания. И ценнейшие из них — знания НАДнебесные. Прежде всего, это знания о Боге-Вседержители, Творце неба и земли, Царе Миро-Здания, Источнике света, счастья и всякой благости. Но человечеству даровано и высшее Знание — Благовествование о том, что Всевышний Бог является не только справедливым Правителем, но и Отцом для человека! Иными словами, внутри нашего сознания есть нечто неизменное, изначально чистое и светлое. Недаром большинство систем совершенствования стремятся к сознанию ребёнка. Об очищении и просветлении говорит и не столь многочисленный опыт богатырей духа, достигших святости. Между тем, большинство людей в течение своей жизни загрязняет, деформирует свое сознание всевозможными пороками, всё далее и далее отдаляя себя от Истинного Блага, Истинной Свободы, Истинной Жизни.

Умник! Святоша! Божий проповедник! И это в двадцать первом веке! А кандидаты и доктора слушали его, развесив уши! Предатели! Гнать надо было его в шею с конференции, и на пушечный выстрел не подпускать к научным диспутам! Только в споре рождается истина! Это общеизвестно. Но Подковин же умнее всех! Как сказал, паразит! Хрипел:

— … Одним из подтверждений наших заблуждений, то есть деформации сознания, является утверждение: в споре рождается истина. Однако справедливо было бы утверждать, что в споре можно лишь приблизиться к какой-то стороне многогранной и

глобальной истины. Ибо истина — это сама действительность. А действительность не ограничивается земным пространством, но распространяется за пределы нашего трехмерного Космоса, продолжаясь в невообразимо глобальных пределах многомерного и «многоэтажного» Миро-Здания. Причем возникает вопрос: к каким пределам Вселенной мы приближаемся в своих выводах — к более светлым, более чистым, более благополучным, более счастливым, более свободным или к пределам темным, загрязненным, скорбным? Потому уже в дискуссии мы проявляем уровень нашего сознания — деформированный или правдивый.

Кретин! Стрелять таких надо! К стенке бы его! А они его слушали! Предатели! А он им…»

Сознание профессора кипело. Он вырывал из речи Подковина самые жирные куски и жевал их, обильно смачивая едкой слюной.

Коновалов не заметил, как вечернюю улицу заволокло туманом. Лишь когда лопатки ощутили сырой холодок, ученый очнулся и осмотрелся. Было темно, злачно и сыро.

«Куда это я забрёл? — подумал профессор. — Пора бы многоэтажке показаться».

Он сладко зевнул. Плотно поужинать да растянуться на диване. И предаться философским рассуждениям. Верх блаженства!

Но ужина не было. Даже не было многоэтажки. Под ногами хлюпала смрадная жижа.

«Где я? Откуда здесь болото?»

Он взял в сторону. Но нога провалилась в грязь.

«Что это? Где я?» Ничего не было видно. Холод забрался под одежду и уже чувствовал себя полновластным хозяином. Профессор пошёл в другую сторону, но провалился по пояс в холодную жижу. Паника схватила его за волосы. Отчаяние заглотило сердце. Он заорал. Но голос безвозвратно растворился во мгле. Уныние и тоска стали сжимать горло Коновалова.

«Да что же это такое? Где я?»

Вдалеке возник свет. Коновалов напряг все силы. Попытался побежать навстречу свету. Но упал. И сколько ни пытался — не мог подняться. Лишь едва подтянул под себя локти да колени. Так и пополз на четвереньках.

Неожиданно со всех сторон заухало, засвистело, захохотало. Шум оказался настолько неожиданным и громким, что ученый снова упал. На него дохнуло таким леденящим смрадом, что он едва не задохнулся.

— Прочь, проклятые! — громыхнул благостный глас. — Прочь! Эта душа пока не ваша!

Сквозь залепленные грязью веки Коновалов заметил вблизи себя… свет! Это ж Ангел! Высокий, красивый, со светлым мечом! И с крыльями за спиной! Не может такого быть!

Но это было. И происходило с Коноваловым наяву. Независимо от его желания. Но воспринимаемое сознанием.

Ангел поднял человека. Словно корку, отодрал от него грязь. Прижал к себе и поплыл куда-то ввысь. Вокруг летали злобные рожи. Когтистые лапы тянулись к человеческой душе. Страх напал на ученого. Он как дитя прижался к Ангелу. Схватился — не оторвать!

Всё не верилось. Ангел?! Бесы?! Не может такого быть. Но приходилось свыкаться с обстоятельствами, протекающими без человеческого согласия.

Они поднимались всё выше и выше. Пролетали мимо каких-то постов, которые были напружены страшными и темными рогачами. Страшилища пытались остановить Ангела, вопрошая: «Куда несешь душу мимо нас? Пусть даст она ответ за свои прегрешения!» Но Ангел грозно отвечал нечистым духам, что эта душа еще не покинула тело до конца. Но Господь соблаговолил показать ей нечто. Страшилища скрежетали зубами, клацали когтями, желая отнять душу, но сделать ничего не могли.

Так, от заставы к заставе, поднимались они все выше и выше. Наконец, заблестело впереди. Коновалов заметил, что приближаются они к неким сказочно красивым, огромным вратам. Врата светятся и переливаются, сами же подобны хрусталю. Пред вратами стоят меченосцы в золотых одеждах. За их спинами блестят огромные крылья. Сами же Ангелы — красавцы писаные! Они радостно приветствовали Ангела-поводыря и несколько подивились на его ношу. Открыли небесные врата и впустили путников в пределы света неизреченного.

Никогда не думал ученый, что может быть такое невероятное пространство счастливого света! А кто рассказал бы — ни за что бы не поверил! Не может быть столько света, который не жжет, глаза не слепит, но столь переполнен радостью! Не может быть! Но этот свет был! И свет тот, казалось, ласкал приятным, тихим перезвоном.

Тут встретились другие Ангелы в огненных одеждах, статные и весьма красивые видом. Радостно заговорили о чем-то. Наконец, пошли, песнь божественную воспевая. Откуда-то явилось пред ними облако. Ангелы ступили на облако и стали подниматься куда-то вверх. Вокруг образовалась светлая дымка, словно легкая завеса, закрывающая окрестности. Но все же угадывались дали пресветлые, в которых открывались величественного вида города, просторные дворцы, огромные сады, широкие реки.

Поднялись Ангелы Божии на высоту неизреченную. Коновалову было страшно, удивительно и необычайно радостно. Облако отошло. Пред ними открылся величественный престол, словно из света сотканный и дивно украшенный. Вокруг престола стояло множество высоких Ангелов в багряно-красном одеянии с

ослепительно-белыми крыльями за спиной. Пели же Ангелы песнь весьма дивную.

Поднес Ангел-поводырь Коновалова к престолу величественному. Поклонился трижды. И воспел песнь, прославляя Господа Бога. Ученый хотел посмотреть на Сидящего на престоле. Но не смог. Ибо свет, тысячекратно превышающий вид солнца, застилал глаза. Откуда-то сверху раздался гром. Ангелы снова поклонились и троекратно восхвалили Пресвятую Троицу. Подхватив восхваление, запели хвалебную песнь престольные Ангелы. Снова подошло облако. Трое Ангелов встали на облако. Облако стало опускать Божиих Посланников с их необычной ношей ниже и ниже. Коновалов всё удивлялся, за светлой дымкой пытаясь рассмотреть райские окрестности.

Опустившись, два Ангела отошли. Оставшийся Ангел повел куда-то душу человека.

Коновалов нашел в себе смелости и спросил поводыря:

— Мы на самом деле в Раю? Мне это не снится?

— Ты в Раю. Я твой Ангел-хранитель. От крещения твоего за тебя молил. Но так и не смог замолить. Ты сам мою помошь отверг, в рабы к страстям побежал, безумие превознес, от Бога отвернулся, нечестием облекся.

Из глаз Ангела выступали слезы, скользили по чудесному лику и капали на светлое одеяние. Взяв за руку, словно малое дитя, повел Ангел Господень душу профессора по Раю небесному. Показывал дворцы благолепные и сады дивные. С возвышенностей указывал на великолепные грады, где пребывают души Божиих угодников: мучеников, девственников, праведников, исповедников, преподобных и других святых. Проходя меж величественных селений, замечала человеческая душа, в какой ликующей радости пребывают сподобившиеся святости.

На пути встречались другие Ангелы, останавливались и вели неспешные беседы с поводырем. Ученый мало что понимал из их речи, но приходил в восторг от радостного удивления! Величавые и умиротворенные Ангелы выражали столько искренней доброты друг к другу, столько учтивости и внимания, столько милосердия и любви, столько осмысленной уверенности и благородного достоинства, что все происходящее казалось Коновалову прекрасным сном. Их царственный вид, бесстрастные взоры, мягкая речь являли собой следствие возвышенного знания. Возжелав достичь подобного совершенства, человеческая душа пылала от нетерпения. Когда же Ангел-хранитель указывал собратьям на подопечную душу и проливал слезы, Ангелы участливо утешали его и плакали. Слезы их распространяли столь дивное благоухание, что ещё более возвышенный восторг переполнял человеческую душу. Бывало, что Ангелы дружно начинали воспевать хвалу Господу. Радостное счастье захватывало профессора, и он с искренним восхищением пытался вторить пению Ангелов.

Возле иных озер, что манили благоуханной чистотой, хотелось задержаться, прилечь, вольно развалиться, никуда более не отходя. Лежать и слушать перезвон красивейших птиц, пред заливистыми песнями которых трели земных соловьев казались воробьиным чириканьем. Волны небывалого вдохновения подхватывали душу, ликующий восторг распахивал парус. Хотелось смеяться и петь! Необычайная любовь расправляла неведомые доселе крылья и возносила к невероятным высотам радости! Ученому хотелось обнять всех людей, всех Ангелов! Хотелось восхвалить Бога за счастливую радость блаженства! Хотелось сотворить что-нибудь хорошее! Хотелось совершить что-нибудь доброе! Он чувствовал необычайное вдохновение и огромные творческие силы.

Творить! Нет! Наслаждаться прекрасным! Лучше он будет стоять здесь, под лазоревой тенью этого могучего древа с изумрудно-золотистыми листьями и ароматными плодами, склонившимися до самой небесной тверди! Лучше он будет стоять возле этой чистой, как слеза, воды, смотреть на невероятно гладкое зеркало озера, в котором отражается радостное око огромного Светила! Лучше он будет любоваться бескрайними золотисто-лазоревыми далями, слушать задушевные напевы птиц, от которых душа готова плакать! Плакать от небывалого счастья! Лучше он будет жадно вдыхать эту восторженную свежесть пьянящего, томительного аромата весенних садов!

Боже, как изумительно хорошо! Слава Тебе, Творец, что Ты сотворил такие чудесные, неописуемые просторы, радостнее которых ничего не может быть! И как описать те дивные красоты, если бледны все сравнения?! В сравнении с этим все земные красоты — лишь меркнущая тень. И разве может сравниться свет поднебесья с наднебесным светом?! Как свет луны отличен от солнечного света и лишь отражает последний, так свет поднебесья отличен от здешнего света и лишь малыми порциями изливается чрез

солнце и звезды в поднебесный мрак. К своему удивлению, человеческая душа видела, как происходит это чудо! Но ей не хотелось больше в мрачное поднебесье. Хотелось пребывать здесь! Боже, как же на небесной тверди светло и радостно! Хочется во весь голос восхвалять Тебя, Дивный Творец! Хочется кланяться Тебе и, не смея возвысить гласа, вполголоса приносить тебе дары похвалы! Но всего лучше искренне, так чтобы никто не слышал, признаться Тебе, Отец Небесный в сыновней любви! О-о, и на такую любовь внезапно стала способна человеческая душа! Она уже чувствует, что способна!

И так было хорошо и радостно ученому, что он заплакал и стал пенять Ангелу-хранителю:

— Почему же раньше не сказали мне, что есть такие прекрасные места! Почему не предупредили, что есть иная, лучшая жизнь? Почему не явился ты мне на земле и не объяснил?

— Хотя бы сейчас не возносись в гордости, — отвечал Ангел Божий. — Все ты знал, и все тебе было объяснено. И я со времени твоего крещения был всегда рядом. От бед оберегал, на добрый путь постоянно наставлял. Только ты слышать не хотел.

— Надо было драть меня розгами, чтобы я в разум вошел! Тащить меня на аркане сюда!

— Да разве силой можно заставить любить? — первый раз улыбнулся Ангел. — И сама любовь не терпит насилия! Ты ощутил благость Рая и необычайно восхищен. Что бы сказал ты, если бы удостоился подняться на вышние небеса?! О-о, сколько там благ, красот и счастья! Ты же так смердишь нечестием, гордостью и разными пороками, что недостоин быть здесь. Хвали милосердие Господа, сподобившего открыть тебе, недостойному, райские кущи. Хвали Бога-Вседержителя за то, что дозволил тебе прикоснуться к истинному свету.

Между тем пришли они в некое прекрасное место. Здесь стоял, переливаясь разными

цветами радуги, огромнейший дворец. Вокруг цвели дивные деревья, и огромные гроздья свисали до звенящей тверди. Благоухание кружило голову. Легкий ветерок задевал золотистые листья деревьев, отчего изливалась невероятно приятная музыка. Ангел ввел ученого внутрь дворца. Встретившиеся светоносные Ангелы весьма почтенно приветствовали вошедших. Изнутри дворец казался значительно громаднее, чем был снаружи. Длинные, словно сотканные из света, покрывала скрывали стены.

Приблизились, как думал человек, к центру зала. Крылатый водитель нежно повернул голову подопечного и промолвил: «Зри!» К своему удивлению, ученый увидел длинное подобие дороги, вдоль которой расположилось все прошлое рода человеческого. Куда бы ни падал его взгляд, картина тут же увеличивалась в размерах, и человек мог наблюдать любое мгновение, происходившее с любым из людей в выбранный год, день и час. При этом показывались не только дела человека, но его слова и мысли! Это было невероятно! Но это было так!

Ангел обратил внимание человека к неким обстоятельствам. Тут удивлению ученого не было предела. Из всех обстоятельств особо запомнилось следующее видение. Он видел, как мерзкие, рогатые твари пытаются увлечь разнообразными соблазнами людское сознание. Как пронырливые рекламодатели, бесы предлагали человеческому сознанию различные всевозможные привлекательные образы. И когда человек, как рыба, хватал наживку, он тут же улавливался на крючок порока. Сознание бесчисленного множества людей было нашпиговано мрачными уловками и оттого совершенно потеряло свет. Но как только какая-то душа покидала тело, её тут же, как лакомый кусок, хватали когтистые рогачи и увлекали в кромешные глубины. Некоторые люди, наглотавшись досыта мрачных наживок, вдруг каялись. К ним тут же устремлялся их светлый Ангел-хранитель и огненным мечом разгонял нечисть. Своими крыльями Ангел очищал накопившуюся грязь с человеческой души и внутренность человека, как при рождении, начинала светится нетленным светом. Но таких искренних подвижников было мало средь людей. Потому человечество более всего походило на огромную массу потемневших червей.

Через некоторое время крылатый водитель нежно повернул голову человека в другую сторону: «Зри!» Теперь ученый увидел образ огромного ветвистого дерева. Древо засыхало. Засыхало всё быстрее и быстрее. Наконец, засохло. Сверкнула секира – и древо оказалось срублено. Неведомые руки подхватили гигантское древо и бросили в огонь. Огонь заклокотал миллионами воплей, стонов и ругательных криков. В это время от земли стало подниматься огромное, золотистое облако.

— Это разум возвращается в хранилища свои, — горько сказал Ангел и заплакал.

В то же время неведомые руки сдавили оставшийся от дерева пень металлическим обручем.

Ученый взглянул на землю и увидел людей в звериных шкурах. Он попытался присмотреться, но Ангел приподнял его голову. Откуда-то с недосягаемой высоты капали на землю редкие, невероятно светлые капельки.

— То проистекают на людей искорки разума, — радостно шептал Ангел. — Бог помиловал кротких. Слава в Вышних Богу, на земле мир, в человецех благоволение!.. Идём на землю.

Когда за спиной захлопнулись небесные врата, человек не мог прийти в себя от навалившейся густой темноты. Казалось, что они погружаются в глубины мрака и холода. Но это было всего лишь поднебесье. Это были всего лишь бесконечные пределы трехмерного Космоса. К своему удивлению ученый увидал огромнейшие зевы, напоминающие гигантские воронки, которые открывали доступ в ещё более мрачные глубины Вселенной. Стало страшно. Профессор закрыл глаза.

Сильный удар лишил профессора чувств. Когда до сознания стали долетать обрывки чьих-то возгласов, Коновалов застонал.

— Надо же так не смотреть перед собой, чтобы налететь на угол стены?! Вот и наливай таким! Где напился-то? — сильные руки приподняли профессора.

Потребовалось огромное усилие, чтобы приоткрыть отяжелевшие веки. Он стоял у самого угла кирпичного здания. Вокруг столпился народ. При свете фонаря людские

лица казались серыми.

— Сам-то сможешь идти? Может милицию вызвать?

— Лучше скорую!

— Никого не надо вызывать, — выдавил из себя Коновалов, и удивился своему писклявому голосу.

Вскоре возле него уже никого не было. Тело ныло. Голова болела. Но сознание на удивление воспринимало всё происходящее с необыкновенным спокойствием. Не было злобы! Чему весьма удивился профессор. Разум возвращал картины недавнего пережитого состояния: конференция, улица, болото, паника, Ангел, Рай… Было ли это всё? Или только игра воображения? Человек поднял голову и устремил взгляд в ночное небо. Вверху загадочно поблескивали звезды. Или Ангелы Божии? С просветленным сознанием. Как у новорожденного ребенка.

«А мое сознание? Каково состояние моего сознания? Неужели на самом деле деформировано? Может не такой дурак Подковин?..»

Коновалов пристальнее посмотрел на звезды. Посмотрел глазами не маститого ученого. Взглянул глазами того юноши, который ещё собирался ехать в город, чтобы поступить в институт. Впереди была целая ночь. Звездная ночь. После которой наступили будни учебы, аспирантуры, научной работы, философствования на диване. Будни сознания. Но какого сознания?..